

Кому стучит писатель?

— Андрей Георгиевич, свой день рождения вы не сопоставляли с великими, родившимися 27 мая?

— Я родился в день основания Санкт-Петербурга. В сталинское время это мне импонировало: я петербургский человек, коренной питерский, и к 250-летию моего города, который собирались праздновать, я получил паспорт. Но, к счастью, умер Сталин, и празднование отменили. Задумывали его осуществить при Никите, когда город уже постарел на 6 лет: как и все в России, не в тот год, не в тот день, не в тот месяц. Но Хрущев не приехал, и дата опять не состоялась.

— Как геолог-разведчик по профессии, вы много путешествовали по Сибири, покормили комаров и гнусов. Не там ли, на сибирских просторах, к вам прицепился писательский вирус?

— Писатель — обманщик правды. Эта формула мне внезапно блеснула, но мне ее еще надо раскрывать. Люди любят шпионские картины. Если задуматься, что же увлекает человека, когда он смотрит шпионское кино, то получается, что увлекает его позиция героя. Герой прячется среди чужих, он один стоит против всех. А писатель, кто он такой? Он сообщает не столько людям, живущим сейчас (это был бы большой обман!), сколько людям будущего о состоянии времени и о жизни людей. У писателя такая функция биологической памяти вида, что ли. Поэтому литература — категория вечная. Обыкновенная жизнь создается усилиями политиков, бизнесменов, обывателей. По крайней мере, они настаивают на этом. А что бы они стали делать без ПАМЯТИ? Вот я думаю: писатель — это страшный шпион. Шпион человеческого вида. Кому же выдает он свою тайну? По-видимому, людям: трудно объяснить самих себя. Они этому сопротивляются.

— А через литературного героя они эти сведения о себе усвоят проче?

— По жизни — человек один среди всех. Этот шпионаж, я думаю, самый страшный. Но вот вопрос: кому же стучат писатели? Пробовали сделать так, чтобы писатель стучал властям и КГБ. Из этого не получилось литературы. А получились тысячи тысяч исконверканных судеб. Если уж сказать высоко о роли литературы, то, может быть, писатель стучит самому Богу.

Что имеем, не храним...

— Растет ли с годами круг ваших друзей?

— Друзья — такая же вещь, как любовь. Это я обнаружил уже несколько лет назад. Была первая любовь, вторая, третья. Сейчас это начинает звучать глуповато и не верится в эти любви. Что — будет четвертая, пятая? Где-то запрятано ощущение, что было все-таки одно-единственное чувство. В однополюсных отношениях — в дружбе — возможное число друзей менее ограничено. И вдруг однажды я обнаружил, что друзьям такой же счет, как и любви. В какой-то момент возможности дружбы тоже кончаются. Основная цель — сохранить верность тем, кто есть.

— Друзья вас предавали? (Задумывается). Ну, может быть, было... Было.

— Когда-то сама мысль о возможности предательства любимой женщины вашему персонажу казалась предательской и пошлой. А разве женщины не способны на предательство?

— Да, и со мной случалось. Но, может быть, тут поработали друзья. Это было так давно, что как-то об этом я забыл. Но спустя время, видя страдания участников той или иной маленькой человеческой драмы, которая входит потом в твой опыт, начинаешь понимать, что они, может быть, больше потеряли и больше пережили, чем кажется. И неизвестно, ради чего. Но самое основное — мы все-таки не судьи. Надо бы понять вовремя, что многие "предательства" были просто детством и неопытностью и не несли в себе предательского заряда.

— Ваши персонажи самозабвенно обожают любимых, ждут свидания часами, слушают шорохи и шаги и надеются. Этому они научились у Андрея Битова?

— Трудно впоследствии отделить память опыта от текста. Конечно же, сочиняя романы, я пользовался собственным опытом. Книгиня Зинаида Шаховская одной из первых написала рецензию на мой "Пушкинский дом". Ее комплимент этой книге полностью меня устроил. Там было сказано: "Нет никакого следа непреодоленной биографии, столь типичного для советской литературы". Текст отличается от того, что преодолено автором. Иначе это не становится литературой. Текст для писателя — это обретение настоящего времени, то бишь реальности в будничном смысле. Память уничтожается дотла в этом горниле текста. И потом уже ты в памяти не нуждаешься и не зависишь от нее. Идя от сопереживания прошлому, ты оказываешься в сегодняшнем дне.

— Вы мудрец, Андрей Георгиевич. Простому смертному за вашей логикой уследить сложно. Спрошу о житейском: ваши первые жены все еще сердятся на вас или смирились, простили?

— Думаю, я никогда уж их особенно не бросал — там же дети. Меня всегда заботила их судьба, и все, что мог,

я делал для них, чтобы помочь.

— Может быть, они горды от сознания, что были любимы талантливым и сумасбродным человеком?

— Я не знаю. Мне кажется, у нас хорошие отношения. Я не пробую оценить меру ревности и зависти. Это как бы уже не мое дело. Мое дело — поддерживать с ними замечательные человеческие отношения. Помочь, чем могу. Они все — народ пишущий. А я обладаю некоторыми связями, возможностями, репутацией для того, чтобы помочь. Вот сейчас не знаю, чего я больше жду: своей собственной книги или чтобы наконец вышла книга у Инги Петкевич, моей первой жены. Она замечательная петербургская писательница. Так вот я думаю: я больше жду ее книги. Это какое-то такое сокращение прошлого — ей тоже достанется и по заслугам, и по правам. И можно быть спокойным насчет чьей-то судьбы. По ощущению покинутости у меня мои жены не проходят. Я помню их красоту, их молодость, их любовь. Это же забыть нельзя. Это абсолютные ценности.

Моск. канталомель. — 1997. — 24 мая. — 42.

БЛУЖДАЮЩИЙ ДОМОСЕД

Писатель Андрей Битов никогда не шагнул ногой с политическим большинством страны. Он всегда и теперь особенно, сам по себе, поверх барьеров. Поэт Евгений Рейн, знакомый с Андреем лет с шести (оба они дети ленинградских архитекторов, в одних лагерях салютовали), говорит о нем: "Андрей Битов — один из самых выдающихся прозаиков, наследник традиции Андрея Белого и Владимира Набокова, он внес в современную русскую литературу тонкость психологического анализа, столь свойственного русской классике".

Андрей Георгиевич родился 27 мая 1937-го — в год Огненного Быка. Дай Бог, чтобы трагическая стихия роковых звезд пощадила этого талантливого человека.

Андрей Битов:

"Я помню красоту, молодость, любовь своих жен"

Дыхание генов

— Дети унаследовали ваши дарования и пороки?

— С пороками не знаю. Но они более или менее все красивые. Это не только мое личное наследие, а наследие, идущее от моих родителей, и мне, конечно, нравится, что они красивые. И еще умуны — в смысле самостоятельности ума, а не практического его использования. У них бывают мысли собственные, не заимствованные. По-видимому, это в генах им передалось. Помните, я сам жил не в советской системе, а в семье. У меня была хорошая семья, материнская, даже бабушкина. Это настоящая питерская интеллигенция. Они выжили только благодаря тому, что отчаянно держались друг за друга, имели свой семейный уклад. В нашей действительности это была почти невозможная вещь. Часть семейного дыхания тоже передавалась по наследству. Единственное, чему дети могли у меня научиться, — это любви к родителям. Я всегда любил отца и мать. В этом смысле я был не самым скверным существом и сыном. Вот такие вещи передаются. Я не могу сказать, что дети меня так же любят. Но думаю, какая-то высшая форма генетики — передача любви во времени от прадеда к правнуку — существует. Если звенья не порваны, то потомство воспримет это самое чистое.

— По вашим романам судя, к имени "Наташа" вы приговорены. Вашу жену Наташу вы не проворонили.

— Я не хочу делать никому никакого предположения. И первая, и вторая, и сейчас действующая жена — все прекрасны. А что может получиться и не получится у людей — это их вина. По этому поводу сошлюсь на одно открытие в пушкинстике. Мы его придумали вместе с Машей Веролойной, пушкинсткой и ближайшей подружкой моей жены. Мы сейчас с Машей делаем общую пушкинскую книгу и придумали: если взять и сократить до беспредельности пушкинский текст, и оставить только первое слово и последнее, а внутри — все его многообразие, — то получается замечательный механический эффект. Первым словом у него было "Наташа". Такое посвящение открывало стихи его лицейского тома. А последнее слово перед дуэлью — письмо писательнице Ишимовой, подписано: "Пушкин". И так, остаются два слова "Наташа и Пушкин".

Был ли у вас живой антипод или его приходится примысливать?

Был ли у вас живой антипод или его приходится примысливать?

— В юности, может быть, и были антиподы. Но сейчас это уже все ушло.

— Приходилось ли вам, подобно Леве Одоевцеву из "Пушкинского дома", надевать картонные латы и брать в руки деревянный раскрашенный меч?

— Это довольно удачная метафора. Но метафора — всего лишь метафора.

— Донкихотствовать приходилось?

— Я не знаю, что значит этот глагол. Но иногда быть благородным удавалось. И достаточно смелым, что еще труднее, если понять, что это такое.

В домашнем котле

— Вам лучше пишется в "башне из слоновой кости" или в привычной домашней суеде?

— У меня есть две теории творческой энергии — электромагнитная и котловая. Котловая — это когда ты сидишь на чердаке, а внизу бытует

Есть ли у вас живая антипод или его приходится примысливать?

— В юности, может быть, и были антиподы. Но сейчас это уже все ушло.

— Приходилось ли вам, подобно Леве Одоевцеву из "Пушкинского дома", надевать картонные латы и брать в руки деревянный раскрашенный меч?

— Это довольно удачная метафора. Но метафора — всего лишь метафора.

— Донкихотствовать приходилось?

— Я не знаю, что значит этот глагол. Но иногда быть благородным удавалось. И достаточно смелым, что еще труднее, если понять, что это такое.

В домашнем котле

— Вам лучше пишется в "башне из слоновой кости" или в привычной домашней суеде?

— У меня есть две теории творческой энергии — электромагнитная и котловая. Котловая — это когда ты сидишь на чердаке, а внизу бытует

злоупотреблений. В Тамеше случилась абхазо-грузинская война. Сейчас я купил избу в Сиверской под Ленинградом, но надо ее еще освободить, чтоб в ней можно было жить. Образовать котел. Появились дорогие мне места за границей. Я писал в Германии, Голландии, Америке. В феврале работал в Берлине. Получается, что половину времени я живу за границей, зарабатываю на хлеб. Все, что я написал за последние 10 лет, случилось за границей. Если говорить о внутренней склонности, то больше всего мне нравятся в Англии и Голландии. Но туда и зовут реке.

От великого до смешного — один шаг

— У вас много литературных премий. Какой из них вы больше всего гордитесь?

— Поскольку мне присудили первую Пушкинскую премию в ФРГ и присудили вопреки желанию советских властей, в этом есть какой-то престиж. Однажды я получил не денежную, а престижную премию за лучшую иностранную книгу года в Париже. Я был в общем списке награжденных вместе с Солженицыным, Домбровским, Набоковым, а "Литгазета" отказалась напечатать этот список. Я горжусь, что вошел в эту компанию.

— Евгений Рейн считает вас продолжателем традиции Андрея Белого и Владимира Набокова. А вы думаете, что ваш психологизм сродни Лермонтову...

— В принципе, я иду от "Золотого века". Мне приятнее сослаться на Пушкина, Гоголя и Лермонтова, чем на более поздние влияния.

— В молодости вы любили расслабиться в кругу собутыльников. В этом состоянии совершали неадекватные поступки?

— Да. Меня сажали много раз в милицию... Но это было в 60-е годы. Однажды было приключение: отправился в Ленинграде за маслом, а оказался в Москве.

— Вам шестьдесят. Вы можете, говоря словами вашего персонажа, проглотить "голое ядро водки", чтоб оно прыгало и топорщилось в вас, как живое?

— Сейчас, честно говоря, по здоровью мне этого уже не надо делать. Мочь-то могу, но лучше не надо.

— Почему писатель удрал в Петербург с собственным юбилеем?

— А мне никто ничего такого в Москве не предлагал. И я решил, что обязан встретить день рождения дома, а на следующий день пойти на могилы родителей и близких. А потом, мне же шестьдесят! А этого неохота. Не хочется оформлять пенсию, а жизнь все та же — в странствиях, непутевая, а потому не хочу юбилейщины.

— В понедельник, 26-го, на заседании Пен-клуба вы будете на вручении Пушкинской премии в Москве?

— Я приеду на один день, чтобы вручить премию Виктору Астафьеву.

— И тут же домой, к себе на праздник. С кем вы его встретите?

— В окружении детей (у меня их четверо) и внуков (их двое).

— Что вы любите есть и пить?

— Смотря где и что пьешь... Наше поколение по-прежнему любит салат, который в России называется "оливье" или "столычный", а всюду за границей он называется "картофельным". Люблю виноградет, потом селедку. Люблю водку. Лично меня всегда огорчало, что я не могу выйти за пределы этих закусок — мне не удавалось съесть что-то сверх этого...

— Вы любите заглядывать в будущее?

— Не надо загадывать и трепать будущее. Надо работать в настоящем. Все мысли о будущем, все мысли о прошлом — они лукавы. Особенно о будущем. Прошлое имеет то целое, что оно неизменно, хотя его очень меняли и переписывали. Будущего нет. Если бы все жили в сознании **сегодняшнего дня**, то, ей-богу, всегда завтрашний день был бы не хуже вчерашнего. А все сегодняшнего розлива — это такая суровая кара нам за нашу суесть и желание не работать, а быть обеспеченными сверху. Так ведь можно допрощаться и деспота. Слишком долго мы жили в привычке делать по приказанию и считаем невозможным делать по разумению.

Сейчас такая ситуация в психиатрии народной — всем трудно, и все решения приходят снаружи, и мы вновь окажемся не там. Не надо призывать себя к чему-то неосуществимому. У нас есть отравление свободой и отравление демократией. Мы оказались полностью неподготовленными к этому другому миру. Кто-то сказал: демократия — гнусность, но лучше строя нет. Так что надо выдержать, но мы ничего не выдерживаем. У нас бурные периоды. 37-й год был годом расплаты, а не годом революции. Может быть, это кризис, что длится уже 10 лет. И надо выдержать... Я как-то не боюсь года Огненного Быка, поскольку он мне должен помогать. Не надо быть суевными.

— Что бы вы сами пожелали Андрею Битову?

— Здоровья и власти над собою.

— Как вы думаете, Андрей Георгиевич, счастье уже было или счастье будет?

— Оно у меня никогда не кончается. Я совершенно счастливый человек.

Наташа ДАРДЫКИНА.
Фото Марианны ФЛЕЙТМАН (Германия).

это и того, что мне не хватило выдержки.

— Обычно свое раскаяние вы скрываете или с готовностью признаете за собой вину и просите прощения?

— Я умею просить прощения. Если чувствую брезгливость к самому себе, что не сдержался, то совершаю этот маленький "подвиг" — говорю: "Извините, простите". Этому надо учить себя всю жизнь — уметь признавать за собой вину. Я меньше чувствую вину — скорее, свою ошибку. Ошибка — это такая противная вещь, ошибку нельзя исправить, ее можно только изжить. Заплатить за все все равно придется, и это ощущение, что ты не бесплатный человек, надо в себе культивировать.

Нам всем воздается

— Возмездие за наши прегрешения свершается при жизни или где-то в потустороннем пространстве, при встрече с Богом?

— Грехи совершает сам человек, и еще при жизни успевает...

— ...принять расплату?

— Да. А что касается Бога, там — тайна, там — закрыто. Там будет суд. Давно сформулирована мысль, что возмездие уготовано человеку при жизни. В этом признак неброшенности Богом. Если человек расплачивается при жизни за свою гнусность, значит, сходится баланс. А у тех, кто при жизни не расплатился за содеянное, судьба неважная. Иногда это бывает в пародийных, страшноватых ситуациях. Люди церковные про это знают: несчастия, беды, которые посылаются за наши грехи, они во благо. С одной вещью я никогда не примирюсь — если расплата распространяется на здоровье близких. Какой-то наем на свою вину можно нести внутри себя, внутри души, но рассчитать действие Провидения рыночным способом человеку не дано.

— Вблизи Бога маячит Сатана.

— Это район Петербурга, где вы родились?

— Да. Мой четвертый сборник "Аптекарь остров" подгадал к драматическому событию, когда наши танки вошли в Прагу, в 68-м году, и был подвергнут идеологической разборке. Но это к слову. А что касается дорогих мест, то это Токсово под Ленинградом. Там я написал "Жизнь в ветреную погоду". Деревня Голузино на севере Костромской области. Тамыш в Абхазии. Все это погибает. Я был невыездым за границу. Поэтому успел изъездить и посмотреть всю нашу империю и более или менее описать. А вот эти дорогие мне места — это совсем другое, это сокровенное, где пространство и текст соединяются. Эти места по-разному исчезают из моей жизни. У меня есть зарок — никогда их не описывать. А потом все равно где-то опишешь, и они почему-то исчезают из твоей жизни. Но иногда это не зависит от моих